

Дина Березовская

ЛУКОВОЕ СЧАСТЬЕ

Дина Березовская
Луковое счастье
стихи

© Дина Березовская, 2019
ISBN 978-965-7672-35-8
Для контактов с автором:
din1pruta@gmail.com

Редактор Ирина Рувинская
Издательство «Достояние», 2019
Тел. (972)77-4246165
Эл. почта: a.dostoyaniye@gmail.com
Журнал издательства: kniga-book.com

Дина Березовская родилась в Крыму. Закончила филологический факультет Крымского государственного университета. С 1995 года живёт в Беэр-Шеве (Израиль). Публиковалась в Израиле, России и Германии.

*Всему, чего коснулся взгляд,
ищу название по привычке,
а жизнь собакою без клички
трусит куда глаза глядят.*

*Парок над кружкой кипятка
возможно ли назвать туманом?
Пусть лучше будет безымянным,
неокончательным пока.*

*Пусть лучше буду я водой
по форме каждого сосуда –
не отлучённой ниоткуда
и беспричинно молодой.*

*Ещё не сыгран мой сюжет,
он у суфлёра на примете –
пока ещё на белом свете
есть то, чему названья нет.*

I.

Июнь

Варит кофе день-повеса
чёрный, как смола.
Тень от куцего навеса
в сторону ушла.

Кофе чёрный в кружке синей,
сядем на крыльцо,
припорошены пустыней
шея и лицо.

Ничего его не гложет,
больно – не впервой.
Только пот щекочет кожу
в ямке локтевой.

Не спешит, не знает страха,
никого не ждёт..
Жмёт под мышкою рубаха,
или сердце жмёт?

Что рядить на сон грядущий,
а потом страдать?
Только на кофейной гуще
можно погадать...

* * *

Кто рождён толстокожим,
тому не понять –
может каждый прохожий
коснуться меня:
то рукой, то виной,
то понурым лицом,
то мольбой, то иной
человечьей пыльцой,
то непрошенной лаской
марает висок,
словно масляной краски
случайный мазок.

Взгляд черкнёт по лицу –
сердце сходит с орбит,
и щекотно в носу
от пустячных обид.

Песок

Опять хамсин закрутит жёрнов,
швырнёт в его песчаный зев
кофейни городских пажоново,
надежды одиноких дев –
то бойкий он, то неуклюжий,
смесь воровства и простоты,
и неизбежной, и досужей
моей сердечной маеты.

Его уловки и убытки,
и поцелуи невпопад,
его напрасные попытки
вращенье повернуть назад,
все вспышки несусветной дури
и наши встречи налегке,
как эпицентр песчаной бури,
в моём зажаты кулачке.

Песенка об осенней хандре

Не ложится, не сидится,
и тревогу не унять...
То ли богу помолиться?
То ли стрижку поменять?

Под ногой шуршит во прахе
кроткий месяц вандемьер,
мой придворный парикмахер,
кавалер весов и мер,

красит ловко кистью тонкой
в цвет пурпурно-золотой
грустным тёткам под клеёнкой
каждый локон завитой.

Пахнет остро и приятно
свежей краской для волос,
чтобы просто и понятно,
листопадно мне жилось.

Ни обиды, ни упрёка,
это всё моя вина:
за молчанием тревога,
и под краской – седина.

* * *

Хоть на дворе промозглый мрак,
пора покинуть кокон,
пора выгуливать собак
вдоль запотевших окон.

Из одного раздался свист,
шарахнулся собачник –
я знаю, там живет флейтист,
ворчливый неудачник.

Не в такт качая головой
лобастой и плешивой,
он хриплый извлекает вой
из дудочки фальшивой.

Стесняет грудь наверняка
на всхлипе полусвиста,
дрожит нетвёрдая рука
запойного артиста.

И жалит пальцы вновь и вновь,
сколь много ни налей ты,
неразделённая любовь
пустоголовой флейты.

Совсем один в рассветный час
сипит в потёртом фраке,
чтоб с теми, кто не любит нас,
нам не бродить во мраке,

пока придёт рассвету срок
ночь оттеснить в сторонку...
А моська тянет поводок
и тявкает вдогонку.

* * *

Средь утренней пыли
облюбовали ветки
гортанные певцы
немыслимой расцветки,
ворвавшись в мой застой
призывным опереньем,
нелепой суетой
и неуместным рвением,
все правила игры
нарушив, как подростки,
где прежней мишуры
я сохраняла блёстки
и прикрывала стыд,
и утирала слёзы
прощаний и обид
тряпицей из вискозы.

Не отниму лица
от пёстрой той тряпицы –
там ветки, и пыльца,
и суета, и птицы...

Звонок

Никто не выдумал пока
банальней и печальней сцены –
ждать корабля или звонка,
когда касается рука
небесной клавиши отмены.

Как он дотошен, сукин сын,
злой гений времени и места,
как смотрит горестно невеста
сквозь рой стрекочущих кузин!

Как безыскусен этот знак,
прямой, без всякого подтекста,
но стыдно сделать первый шаг,
с которого начнётся бегство.

И твой смартфон – пиши, сотри,
звони ему, свежо преданье –
давно окислен изнутри
привычным ядом ожиданья.

Просто

Когда бы родиться мне сложной натурой
с ранимой душой и нежною шкурой,
испуганной нимфой из маминых книжек –
от хрупких запястий до тонких лодыжек –
могла б я часами валяться в постели
под грудой надежд и линялой фланели,
и, ворот халата сжимая в ладони,
картинно и нервно курить на балконе,
могла бы кропать на листочке измятом
надрывные вирши язвительным матом,
с любовью и кровью, без рифмы и ритма,
зато inferнально, зато самобытно,
могла бы не думать о пище и крове,
увязнув навечно в крови и любви
и томно склоняя над чашечкой кофе
пером прорисованный девичий профиль.

Когда б мне родиться натурою сложной...

Ты щёку испачкал ванильным мороженым,
течёт по скуле загорелой и колкой
тягучая капля за ворот футболки.

С любовью и кровью – я просто другая,
я просто на каплю смотрю, не мигая,
и первой скажу тебе главное слово,
а ты мне ответишь –
всё проще простого.

Западня

Я из виду не теряю
неба зыбкую кайму,
никому не доверяю,
и особенно ему.

Ты потерь моих не стоишь,
не затронешь сердца мне,
неба лживый перевёртыш
в каждом запертом окне.

* * *

Живёт у сердца, в подреберье,
немой опасливый зверёк –
привратником у тайной двери,
фонарщиком пунцовых щёк.

Притих в испуге одиноком,
герой оплошности любой,
своих младенческих пороков
не замечая за собой,
он вечно чем-то озабочен,
и вечно в чём-то виноват,
и, как растение обочин,
любому пешеходу рад.

Покуда в темноте тревожной
ночные бабочки спуют,
он охраняет ненадёжный
и мой единственный приют.

* * *

Ночь-подружка, пьянчужка, чудачка, сестра,
мы опять зависали с тобой до утра
и слонялись в обнимку, счастливые в дым,
по заветным, запретным местечкам твоим.
Не сыскать после нас ни следов, ни улик,
лишь подруги-луны молодящийся лик –
сквозь дневной макияж, как иголка в яйце,
проступает бравада на бледном лице.

Наш сиротский приют – недосып вековой,
мы годами ныряем в него с головой.
Там от шуток чужих не придётся грустить,
не придётся пути к отступленью мостить,
по которым в конце одинокого дня
я уйду, и никто не проводит меня.
Только пальма-подруга, пустынный изгой,
там ступает упруго небритой ногой...

Птичка

Я дам остынуть голове,
слоняясь праздно вдоль лужаек,
где птицы бродят по траве
и в стебли клювы погружают.

Об этом их голодный свист,
что добывают хлеб насущный,
выклевывая горький смысл
из травяной целебной гущи.

И мне, с крылами налегке,
бродить, голодной и счастливой,
свистя на птичьем языке
среди этой стайки кропотливой.

* * *

Душа, такая-рассякая,
чудит и тянет в небеса,
где свод вечерний рассекает
случайной блажи полоса.
Не я ли этот след нездешний
черчу ребячливо пером
в своём корпенье безутешном,
неспешном – за пустым столом?
А рядом, вздрагивая телом,
уснул на коврике щенок,
немой, глазастый, чёрно-белый –
как чёрно-белое кино.

Пока листаю отстранённо
привычных человечьих бед
хрестоматийный, немудрёный
и предсказуемый сюжет,

щенок сопит, и в небе летнем,
петляя, всё ещё видна
оборванная кинолента
его доверчивого сна.

* * *

Ты давным-давно уехал,
всем метаньям вышел срок,
но, как радиопомеха,

возникаешь между строк.
Ты теперь меня не тронешь
сквозь пространство и эфир,
словно в запертом вагоне
задремавший пассажир,
тот, что видит спозаранку
из окошек поездов
только серую изнанку
незнакомых городов
и уже не различает
злых попутчиков язык,
и не знает, где причалит,
и текут с небес печали
в рукава, за воротник...

Где ты, мною позабытый,
до кого мне дела нет,
бродишь без моей защиты
нескончаемой орбитой
самой дальней из планет?

* * *

Несёт течением челноки
и непоседливые лодки...
Подобно им, свои грехи
доверь порывистой походке.

Привычной лёгкостью ходьбы
беспечно отмеряй убытки,
пока собачий глаз судьбы
хитро глядит из-под калитки.

Беги, счастливица, беги,
дитя летучего народца!
Твоей стремительной ноги
оскал судьбы да не коснётся...

Памяти Бёрнса

Любовь, как роза красная,
Цветёт в моём саду –
И нежная, и властная,
Накличет мне беду,
И дымкою уляжется
Над берегом реки,
И нам бессмертной кажется.
До гробовой доски.

Подражание старинной эпитафии

Неброский холст полуприкрытый,
В далёкой комнате забытый,
Стоит в пыли. А на холсте
Дробятся дождевые струи,
Касаясь щёк, как поцелуи,
И лес в небесной чистоте...

И тот же лес, прощаясь с летом,
Неразличимым трафаретом
Едва чернеет за стеной,
Стоит, присыпан пылью лунной,
С тех пор, как живописец юный
Ушёл навечно в мир иной.

Ноктюрн

Когда оранжевый покров
Едва коснётся флюгеров,
Ещё достанет слов.
Когда вослед ему придёт
Холодным сумеркам черёд,
Ещё достанет нот.

И лишь когда взойдёт она,
Ночь без прощенья и дна –
Настанет тишина.

Вечер

Два пыльных окошка,
загадка внутри,
одно нараспашку,
второе – запри.

В одном отразился
пустыни рельеф,
в другом поселился
об этом напев.

«Мой милый далёко», –
звучит в полутьме
под пальмовый клёкот
на дальнем холме.

О бедной сиротке
аккорды бьют,
на прутьях решётки
колготки висят.

Мотивчик забытый
за каждым углом,
как образ, размытый
оконным стеклом,

десницей маня
и с синицей в руке,
поёт для меня
на чужом языке.

Римские каникулы

Подруга, сколько зим!
Одна среди прохожих,
тебя и не узнать
без дерзкого венца...
А как хотелось мне
стать на тебя похожей –
девчонкой из кино,
глазищи в пол-лица.

И я уже не та –
кругом одни руины,
и твой вечерний грим
едва скрывает грусть.
Но та же прямота
и тот же цвет карминный –
оттенок наших губ
темней кирпичных груд.

Когда бы знала я,
каких ещё отметин,
каких бескровных ран
не сможем избежать,
глазея на экран
в пустой киношке летней –
сеанс ночных цикад
на десять сорок пять...

Теперь твои следы,
твои речные вены
и тайные ходы
куда меня ведут?
На самый край судьбы,
безлюдной ойкумены,
куда по *гугл мэлс*
не проложить маршрут...

* * *

Мы в первый день отыщем гвоздь,
приладим осторожно –
на гвоздь, забитый вкривь и вкось,
пейзаж повесить можно.

Потом скользнёт твоя рука,
к душе прибавив тело,
и вот на выдохе слегка
окошко запотело.

А в день творения седьмой
недаром нам даётся
садовых ящичков с землёй
унылое сиротство.

Ведь тем, кому не повезло,
им тоже место надо,
где, что бы в землю ни легло,
весной взойдёт рассада.

* * *

Размытый полусвет зари –
мазки дешёвого акрила.
Горят вполсилы фонари,
и время тянется вполсилы.

Мы оба в поисках себя
опять с собою разминулись
и в ожиданиях обманулись...
Плохое освещение улиц –
кому пустяк, а мне судьба.

* * *

Сегодня или завтра
вмешается судьба:
ты замолчишь внезапно,
моргну – и нет тебя,
пропал ненужной вещью
забытой и ничьей...
Что может быть зловещей
потерянных вещей?

Не исчезай так рано,
звучи, звучи, звучи!
Звени, как долгожданный
дверной звонок в ночи...

II.

* * *

До тебя я не ведала страха вообще,
а теперь я боюсь сотен тысяч вещей.

Я писала стихи и водила авто,
я и то, и другое люблю, как никто,
вновь привычно тянусь к магнитоле рукой,
оказаться боюсь не собой, никакой,
оказаться не той, не простой-золотой,
не крутой, не святой – суетой, пустотой.
Мы с тобой не враги, не друзья, не родня,
я боюсь, что ты даже не вспомнишь меня,
но боюсь для тебя потускнеть, постареть,
я не сяду за руль – я боюсь умереть.

Я теперь зарекусь забавляться с судьбой,
потому что боюсь оказаться тобой.

Про меня

Ты помнишь тот приметный дом,
что возле Марса за углом
к Сатурну по пути,
облит небесным молоком?
Я не боюсь войти.

Там сотня сходится орбит,
там общий чад и общий быт,
и детские горшки,
и каждый ранен и убит,
и с лепкой потолка.

Откинув прочь наш старый плед,
наш общий рай и общий бред,
ты скажешь: «Уходи!» –
и запахнёшь мне напоследок
куртку на груди.

Мне там покой и там земля,
где лягут сходни корабля,
где на окне цветок
и абсолютного нуля
прозрачный завиток...

* * *

Серёже Грекову

Давно забыты наши драмы,
что, как печать на сургуче,
на сердце оставляли шрамы,
лишь на просвет оконной рамы
пылинки кружатся в луче.

Но где-то в уголке, в подсобке,
найдётся в нашем барахле
цветок бумажный для растопки,
печенье в жестяной коробке –
немного рая на земле.

Рутина, будни с выходными –
варить борщи, лечить мигрень...
Мы станем старыми, больными,
родными,
однокоренными,
умрём в один прекрасный день.

А в двух шагах от преисподней
зовёт меня: «Иди сюда!» –
любовь-мерзавка, злая сводня.
Я отвечаю «не сегодня»,
что означает «никогда».

Память

Как ожог искры трамвайной,
как гаданье по руке,
в вашей памяти случайной
я застряну в уголке,
как очки без левой дужки,
что забыты между книг,
как надбитые ракушки
«Не забуду Геленджик»...

Может быть, в преддверье рая,
в забытых и седине,
пыль на полке вытирая,
ты заплачешь обо мне?

Гипс

Стоя на облезлом пьедестале,
замерзает девушка с веслом –
времена не лучшие настали,
скоро старый парк пойдёт на слом.

Если бы спуститься с пьедестала
да сморгнуть осеннюю росу...
Я старею, я стареть устала
и держать полнеба на весу!

Не судите, сплетницы-подружки,
я сама не знаю, для кого
всё гремят акаций погремушки
в старом парке сердца моего.

* * *

Меня вселенная в запарке
спросить забыла, как дела?
Ответ, как письмо без марки,
желтеет в ящике стола.

Упрёком, брошенным не в злобе –
в ознобе суетного дня,
уродцем, замершим в утробе,
желанным только для меня.

И никому не интересны
мои заветные слова
и пара голубей небесных,
что выпорхнут из рукава.

Поэт

Он порой недружелюбен,
даже близких не щадя –
сам себе шаман и бубен
в ожидании дождя.

Чтобы хлынул, как из лейки,
долгожданный ливень слов,
наполняя все ячейки,
все лазейки до краёв.

И стоит, такой счастливый,
с непокрытой головой,
утирая нос сопливый –
гордый, мокрый и живой!

Приступ

Может, вызов и ложный,
но не вылечит бром
тот железнодорожный
перестук осторожный,
что за пятым ребром.

Тот тягуче-нервозный
по спине холодок,
как гудок паровозный,
еле слышный гудок.

Он всё резче и ближе,
и в вагоне ночном
то ли ты неподвижен,
то ли тьма за окном...

* * *

Мы с тобой губами и лбами
тычемся слепыми щенками,
в тесноте, в обиде, в обмане —
как зубные щётки в стакане.

В сердцевине ведьмина круга
намертво вцепились друг в друга,
словно нас, под утро не спящих,
друг от друга силой растащат.

Впопыхах разнимут, небрежно,
ложную оставив надежду —
глупую, родную, земную,
грёбаную щётку зубную...

* * *

Мой предутренний сон
весь тобой захламлён и заставлен,
склад потерь и находок –
их срок безнадёжно истёк.
Там сердито глазеет в окно
сквозь припухшие ставни,
как простуженный бомж,
клочковатый туманный денёк.

Что у вас за бардак
в канцелярии вашей небесной,
если слёзы на окнах
не сохнут пятнадцатый год?
И зачем я упрямо храню
этот хлам бесполезный,
за которым хозяин
уже никогда не придёт?

Пятница

Кафешка, стол, окурки под столом,
Официантка курит за углом.

Мир не спасти, и завтра выходной,
Татуировка на запястье хной.

С утра жуёт осипшее «на-на»
По радио армейская волна.

И знаками скупыми, как иврит,
Остывший кофе по столу разлит.

Газета, позабытая вчера,
Зачитана до дыр. Тебе пора.

Прощайся и по счёту заплати...
Но ничего не суждено спасти.

Обман

Неплотно притвори оконце,
чтоб не остаться взаперти.
Мы все слепые против солнца,
мы все сбиваемся с пути.

Моргнѐм и угодим спонтанно
в счастливую тмутаракань,
где ничего не постоянно,
но криком сведена гортань,

где вещи, сброшенные грудой,
не подбираем – недосуг –
и одноразовой посудой
спасѐмся от сердечных мук.

На то лазейка и дана нам,
чтоб в ожиданье дней иных
одним оптическим обманом
перебиваться на двоих.

Пройдём от альфы до омеги,
разделим на двоих ночлег,
неплотно прикрывая веки,
чтоб облегчить себе побег.

Оригами

Мы не расстанемся врагами,
но не сложилось оригами.
Остались мятые бумажки
с кругами от любимой чашки,
остались чайные салфетки,
на них случайные заметки,
которые, махнув крылами,
сквозняк взметает над столами,
несёт в распахнутые двери
кочки, как ангельские перья.

Мой ангел, ты хитрее ада,
не утешай меня, не надо!
На ранку дует мне без спешки
сквозняк из уличной кафешки,

и улыбается блудливо
улыбкой графа Альмавива
бесёнок, глаз черней агата –
официант из Тель-Авива.

* * *

Кому ты светишь, огонёк,
Мерцая и маня?
Кого ты ищешь, паренёк?
Уж точно не меня.
Ещё вчера светил ты мне
И вот, вечерний бес,
Как росчерк света, по стене
Метнулся и исчез...

Сантименты

Любовный лепет двух героев,
стишки о милой ерунде,
что вы писали на обоях,
а после забывали, где...
Вновь оловянный, деревянный,
стеклянный холостяцкий быт,
и в нём рутинной окаянной
ты сам опутан и забыт.

Где стёр ладонью аккуратной,
а где осыпалось трухой,
и лишь за тумбой прикроватной –
легонько проведи рукой –
намёком еле различимым
забытой надписи клочок,
как прежде на плече любимом
прививки нежный пятачок...

* * *

Я тебя не ждал под дверью:
правда или ложь?
Защемило в подреберье,
думал, не придёшь.

Счастье кухню обживает –
чайник и свисток,
колко пальцы обжигает
счастья кипяток.

Разрешения не просит,
режет сыр к винцу,
а потом удар наносит
прямо по лицу.

Бьёт дворово, бестолково,
но наверняка,
чтоб настойкою терновой
налилась щека.

А потом целует ранку –
губы с коньяком,
да ещё лизнёт изнанку
мокрым языком.

Ранка больше не сочится,
но саднит, увы –
это счастья сукровица
заживила швы.

Кто мне сдал такие масти?
Игроки – жульё...
Спи уж, луковое счастье,
горе ты моё!

Селфи

Ты забудь наших прошлых пьес
лживый шёпот,
я пошлю тебе фото без
фотошопа –
губы с прочерками морщин
неглубоких
в долгом перечне годовщин
одиноких,
под глазами наплывы лет,
тени впадин...
Галогеновой лампы свет
беспощаден.

Без прикрас, без пустых словес
список долог,
я пошлю тебе фото без
недомолвок,

эсэмэс «я тебя люблю»
без намёков –
просто фото тебе пошлю
всех ожогов,
всех обид незаживших след,
всех отдушин...
Галогеновой лампы свет
равнодушен.

* * *

Не успевают неотложки
к тому, кто сам себя дурачит,
в те холостяцкие берлоги,
где потолки по мне заплачут,
где мы встречаемся так редко,
чужие сердцем и рукою,
любовь, как горькую таблетку,
упрямо пряча за щекою.

И нет пожарного расчёта
на алой, словно страсть, машине
снимать влюблённых идиотов
с деревьев их суетной гордыни,
и только стёртые ступени –
по ним наверх мы крались тихо –
из наших жалких воскресений
укажут мне последний выход.

* * *

Не для сердца слова, не от сердца таблетки –
лишь басок хрипловатый на лестничной клетке,
в тишине приближенье шагов неслучайных
и родное твоё копошеньё с ключами...

Никаким чудесам и волшбам не поверю –
только тем голосам долгожданным за дверью.

* * *

На поводке коротком
живу вчерашним днём
в решительном и кротком
молчании своём,
когда сквозь угасанье
сегодняшнего дня
отчаянно-надсадно
ты смотришь на меня.

И дождевые капли,
лаская нас с тобой,
мучительно бестактны
в их нежности слепой.

* * *

...и обходимся вроде без лишнего шума, но каждый прожитый день, как приманка в силке, а для этого слов-то таких не придумано на обманчиво-птичьём твоём языке.

Ты иди подобру-поздорову, пожалуйста, вот те бог, вот порог, вот одна из дорог, в перспективе она неизбежно сужается, превращаясь в привычку читать между строк.

За окном, что косыми лучами расчерчено, ни пернатых гостей, ни страстей, ни тепла, а торчит для острастки один недоверчивый гуттаперчевый ворон, раскинув крыла.

Был бы повод уйти – может, долгие проводы или лишние слёзы в трамвае пустом...
Был бы повод, а может, и вовсе без повода, а слова мы отыщем, насвищем потом.

Будни

День за днём твердя всё ту же роль,
мельничку свою вращает мельник,
рассыпая утреннюю соль,
вечный наступает понедельник.

Вот и я, в который раз подряд,
с лёгкостью, одной лишь мне присущей,
вновь беру свои слова назад,
понимая, что момент упущен.

Тот, когда писались и рвались
письма на бумаге в стиле ретро,
чтобы резал плоть тетрадный лист,
не дойдя до сердца сантиметра.

Жаль, что не опишешь на листе,
как, порой самим себе не веря,
в спешке и куриной слепоте
мы теснимся у закрытой двери.

И глядит дежурный бог-на-час,
не скрывая детского испуга,
сверху на клубок счастливых нас,
люто обожающих друг друга.

* * *

Намекни мне, напомни и жестом, и словом,
что по-своему каждый внутри разлинован.
У тебя все широты души, параллели,
у меня катакомбы, ходы и тоннели,
только света и тени скупые подарки,
только старого рынка кирпичные арки,
где не солнце, а эхо встаёт на восходе,
где грошова гулкая жизнь происходит,
что привыкла в испуге, смятенье и сраме
от тебя удирать проходными дворами.

Любовная лирика

Едва рассвет коснулся крыши,
ещё взъерошен после сна,
ты впопыхах из дому вышел,
а я осталась у окна,
нарочно не поставив точку,
рванула раму сгоряча,
бретелька от ночной сорочки
сползла с озябшего плеча,
и полы занавески белой
взвились, как крылья за спиной...

Но ты ушёл.
Что вам за дело,
что это было не со мной?

III.

* * *

Открой, когда уйдёшь,
окно в коридоре,
так лучше слышен дождь,
а кажется – море.
Зачем я здесь торчу,
в переходной зоне –
в безвестности,
в бесчувствии,
в межсезонье?

Накину майку, шорты
и одеяло,
как будто на курорте
похолодало,

штормит, на пляже пусто,
ноябрь, понедельник,
и пахнет свежо и густо
сырой можжевельник.

Как будто бы прибой
у самого сердца,
а толку-то – ни плавок,
ни полотенца,
и жизнь уже не по силам,
и смерть не по чину...
Какую же ещё
придумать причину?

* * *

Не обижу ни жён, ни детей,
никакой не нарушу закон,
для своих сумасбродных затей
никаких не предвижу препон.

Всё, что нужно, – сухая земля
и простывших следов полукружья,
где тянулось, бренча и пыля,
голенастое стадо верблюжье.

Пыль осядет, да что за беда?
Ведь ещё не бывало на свете,
чтобы кто-то исчез без следа,
не оставив рубцов и отметин.

Лишь терпением впрок запасись –
снова дождик накрапывал густо
и за миг до надежды спастись
затопил пересохшее русло.

* * *

Не говори: «Всё тлен, пустое!» –
а помни правило простое,
что всё не зря сотворено,
а все неясности с твореньем
проверить можно удареньем
луча, светящего в окно.

Окно в замызанной «тойоте»,
где след кошачий на капоте
и детских креслиц маета,
и в каждой запертой коробке
в тщете автомобильной пробки
на переезде, у моста,
и в каждом драндулете старом –
пока даётся нам задаром
всё, что отмерено живым,
и брызги позднего заката
скользят лениво и покато
по пыльным стёклам лобовым.

* * *

Где же этих счастливых детей покупают
и в четыре руки их в корытце купают –
что со снимков глядят в нетерпении птичьим
и к груди прижимают дипломы с отличием,
что, примчавшись, морозные, с аэродрома,
разуваясь, кричат на пороге «я дома!» –
им неведом бессонницы вкус горьковатый,
только светится профиль, подушкой примятый...

Одиноко хранится контакт в телефоне,
и ржавеет корытце в пыли на балконе.

* * *

Она сегодня не вставала –
о старом доме тосковала,
где в печке уголь и дрова,
и бабушка её жива.

Ворчит, что в голове у дочки
одни рифмованные строчки –
с чего, мол, вздумала писать?
Нет чтобы раньше лет на пять,
когда была она моложе
и не был день её дороже
всех не отвеченных звонков,
и слёз,
и всех моих стихов...

Графика

Снова ветер. И ветки, своим забавляясь круженьем,
в небе чертят виньетки

одним мимолётным движеньем.

Всё спонтанно, и всё решено, даже время и место –
никогда нам достичь не дано этой точности жеста.
Череда поражений и фальши, грядущих и прошлых,
словно чёрные зерна асфальта на наших подошвах.
Пятна грифельной пыли марают ладони и мысли,
те ладони, что были ручного зверька шелковистой.

Ставим в небе зарубки

в блуждании нашем бездомном,

в этом строгом и хрупком

укромном мирке монохромном.

Глагольные рифмы

Не спасёт меня расчёт,
и смекалка не поможет...
Так же дерево растёт –
как бог на душу положит.

Оттого едва дышу,
оттого теряю зренье,
что порывы вдохновенья
на ногах переношу.

В музе суетной моей
ни служенья, ни отваги –
просто тени на бумаге
от сплетения ветвей.

Просто тени в летний зной,
их случайное значенье,
тайна их пересечения,
что известна мне одной...

Чушь собачья

Мой запас одержимости скуден
и едва ли потрачен с умом...
Снова сумерек дымчатый пудель
роет землю за дальним холмом.

Всех моих угрызений остатки
и последний простительный страх,
семена по-собачьи, с оглядкой,
ночь-дворняжка утащит в зубах.

Но азарта, что в сердце теснится,
не страшась никакого суда,
ни следа, ни упавшей ресницы
не отыщут уже никогда.

* * *

В молитвах жадного рассудка
и сердца, сжатого в горсти,
всего важнее промежутки –
дыхание перевести,
прервать несмело разговоров
стремительный круговорот
пробелами, небесным сором
прозрачных пауз и пустот
под кожей, в клетках, в хромосомах,
в синкопах сбивчивых шагов,
в чередованиях невесомых
бегущих по воде кругов...

Среди долины смертной тени
лишь там отыщется ответ,
где слов неплотное плетенье
невольно пропускает свет.

* * *

Южный вечер стремительно-краток
и послушен себе одному,
словно ночи распахнутый кратер,
утекает воронкой во тьму.

Можешь руки стереть до костяшек,
не сдаваясь рутине земной –
с ним закончится всё, не начавшись,
терпким духом пустыни ночной.

И покуда, казалось бы, прочно
жребий свой ты сжимаешь в руке,
вечер сизою дымкой молочной
растворился давно вдалеке.

Только тех, кто родился в рубашке
и с коварством его не знаком,
напоит напоследок из чашки
он прохладным своим молоком.

* * *

Засиделась до семи,
сердце кровь едва качает
и не то чтобы щемит,
а себя обозначает.

В створке каждого окна,
словно лампа на штативе,
отражается луна
в бесконечной перспективе.

И ведут десятки лун
в те края, где всё иначе,
где навеки каждый юн
и навеки обозначен.

* * *

Если страсти и желанья
я сумею приручить,
жизни ровное звучанье
ухо сможет различить:
как она воркует важно
с голубиноного шеста,
как трубит она протяжно
под опорами моста.

Но бессильны слух и зренье,
только музыка без слов,
только нервное гуденье
напряжённых проводов,
только он один сегодня,
и во мне, и на листе –
этот гул высоковольтный
всех желаний, всех страстей!

Горе от ума

Когда бы я свою тревогу
В пакет могла упаковать
И почтой отослать в дорогу,
И на доставку уповать...
Вот груз тревог, моей подобных,
Лежит в контейнерах удобных,
Бог знает, за какой нуждой
Их тащит по волне седой
С ослиною повадкой стойкой
Кораблик – тонкою прослойкой
Между тревогой и водой.

В чужом краю, сыром и зябком,
Погрузит докер молодой
В порту моих тревог охапку,
Зашитую в линияль джут,
И может быть, произведут

Из них набор вещиц прелестных –
И дорогих, и бесполезных...
Да что за горе от ума?
Быть может, я смогу сама
Слепить на кухонной горелке
Из них кустарные поделки?

* * *

Разрешу себе немного лени,
летней маеты её двоякой –
может быть, достигну просветленья
или выйду погулять с собакой.

Знать бы мне, какую меркой мерить
то, зачем живу, чего я стою –
праздности тягучей карамелью
или долга мятной чистотою?

Но уж если дотяну до завтра –
только ради считанных мгновений
этих долгожданных и внезапных
сердца торопливых откровений.

Метро

На дне усталости вечерней,
скользя в густом её сиропе,
тоски тягучие качели
едва качают нас, сироток,
в пустом вагоне, по тоннелю
между тревогой и покоем,
и нет такой великой цели,
чтобы пошевелить рукою.

Зачем из прямоты подземки,
где нет обманчивых касаний
сердечек на остывшей пенке,
картонного тепла в стакане,
идти туда, где нет ответа,
нет утешенья и прохлады,
лишь тянутся полоски света
с автомобильной эстакады?

Высокие окна

Так удобно творить

в закутке между тьмою и светом –
полутьма, словно ретушь, таит паутину и хлам...
Может, мне никогда и не стать настоящим поэтом
с этой детской потребностью
всё разложить по местам.

Так привычно в уюте и затхлости кухонной норки
над потёртой клеёнкой витийствовать на посошок,
только всё же я ставень открою тяжёлые створки,
чтобы свет апельсиново-горький все стёкла зажёл.

Этих окон высоких с потёками масляной краски,
если я поднажму, то с трудом приоткрою на треть
деревянные рамы с остатками старой замазки –
в робкий хаос листвы, лишь его я готова терпеть.

Мне придётся стареть
и, наверно, меняться с годами,
но всё чаще и чаще
ночами я вижу во сне
этот дом,
где высокие окна моих ожиданий
и упрямая ясность квадратов зари на стене.

Стрижи

Жить, словно сжатая пружина,
когда никто не виноват,
что ты с горячностью стрижиной
так дерзко вскидываешь взгляд,
занозить встречных-поперечных,
случайно, не желая зла,
а просто резкостью беспечной
остроконечного крыла,
сорваться вниз, куда не больно,
и видеть город под собой
последнею краеугольной
и неоконченной строфой...

* * *

Я не сюжет, а лишь канва,
лишь прочерки да знаки –
как стянутые рукава
смирительной рубахи,
как цепкий взгляд через глазок,
голубовато-блѣклый,
как злой сирени помазок,
царапающий стѣкла.

Смятенье на моих щеках
горит, как инфлюэнца,
в его горячечный очаг
бросаю я поленца...

Уголья лести и хулы,
зола ревнивых сплетен
и чьей-то редкой похвалы
сиюминутный пепел.

Альтист

План заведомо провальный –
слыша звуки за стеной,
гладить узкою рукой
деку лестницы подвальной,
сквозь прохладный полумрак,
пусть не время и не место,
повторяя каждый шаг
за невидимым маэстро.

Словно чтение с листа,
взлёт перил – тройное сальто,
мягче летнего асфальта
голос сплетника-альта.

Повторяясь в унисон,
звук под пальцами дробится,
словно брызнули в лицо,

чтобы вовсе не забыться
и оставить за стеной
все наивные надежды:
что во мне звучало прежде,
быть тому не суждено.

Знаки

Дом зарос тростником –
за стеблями не видно небес.
Бьёт сорочьим крылом
на ветру
полотняный навес.
Там в сырой полутьме
кто угодно с тобой ночевал,
вам уснуть не давал
за окном воробьиный привал.

Там немало босых
долгопалых мальчишеских ног
на крыльце отрянуло
последних сомнений песок
и в заглохшем саду,
где от старых шелковиц черно,

пропускало сквозь пальцы
раздавленных ягод вино.

В круге жёлтого света
легко не жалеть ни о чём,
бьётся бархатный бражник,
что в лампе навек заточён,
и не важно,
что знаки порой
распознать тяжело, —
это бражник
серебряной пылью
марает стекло.

Спутнику

Когда спускаешься с горы
Сквозь дел вечернюю рутину
И сумерки-поводыри
Бредут с тобой, согнувши спину,

Я снова за спиной, прости,
Твоей, мой спутник неразлучный,
Нам не случайно по пути
Средь этой маяты докучной.

Когда нашаришь, как слепец,
Слова с дотошностью калеки,
И смысл забрезжит наконец,
Как лучик сквозь пустые веки,

И вдохновенья стрекозу
Не удержать – да и не надо,
Когда окажемся внизу,
На дне глухонемого ада,

Сойдём с горы, в руке рука,
Когда последняя строка
Растает до последней точки,
И серый воцарится цвет
На небесах, которых нет,
И нету слов просить отсрочки,

Трухой рассыплется псалтырь
Пустопорожних поучений –
Я, как собака-поводырь,
Прилягу у твоих коленей.

* * *

Отправляется в урну
стаканчик бумажный,
вот ещё один кофе
не выпит с утра –
красный медленный поезд,
вагон двухэтажный,
прибывает на третью платформу,
пора!

На втором этаже
бунтари и транжиры
набирают в *ватсап*
за письмом письмецо –
бесшабашные,
все как один, пассажиры,
каждый в блеске смартфона
полощет лицо.

А внизу не торопят
ни словом, ни делом,
здесь не ловит *вай-фай*
и завис интернет,
лишь в дисплее окна
немым, чёрно-белым,
с бледным титром луны,
проступает рассвет.

Не судите меня,
пассажиры в вагоне –
может, мне, на бегу
позабывшей стареть,
повезёт замереть
на последнем перроне,
а потом подфартит
и во сне помереть.

С нуля

Порой мне кажется занятым,
как без ветрил и без руля,
лишь повтореньем многократным
на этом языке обратном
так просто мне начать с нуля.

Начать с нуля – такая малость!
Глазел бы с облака Творец,
как я отчаянно металась
и как задрать люк пыталась,
когда последняя усталость
меня настигла наконец.

Но нет конца на самом деле,
и всё, что умерло вчера,
всю суету и канители
под скрип небесной карусели
мне снова начинать с утра.

* * *

Простите меня за нелепую спешку,
за то, что и сны, и дела вперемешку,
и каждый денёк в незатейливой раме
всегда проверяю, касаясь губами.

Ведь если уж нам доведётся проснуться,
открытою кожей придётся коснуться
и волглого утра, и прожитых лет,
и слов, что запальчиво брошены вслед.

И проще прибегнуть к нехитрой уловке –
оставить слова досыхать на верёвке,
сверяясь дотошно,
не зная покоя,
губами, на ощупь,
прохладной щекою.

* * *

Сквозняк стучит оконной створкой,
неразличимой в темноте,
весь кофе этой ночи горькой
сбежал, забытый на плите,
и не спасёт ни фарт, ни опыт,
когда ступаешь за порог,
когда, на дне оставив копоть,
последний выкипает срок...

Глоток дегтярного напитка,
как шип сапожного гвоздя –
моя последняя попытка
не оглянуться, уходя.

* * *

Стоит только попросить покоя,
хлынет затяжную пеленой
разочарование сплошное,
разочарование стеной –
пропитает мысли и одежду
привкусом металла и воды.
Снова пальмы густо и небрежно
сыплют наземь чёрные плоды,
снова их подошвами прессует
каждый торопливый пешеход...

Все попытки пропадают всеу,
чтобы повториться через год.

* * *

Очёчки круглые надень,
чтоб разглядеть, как неприметно,
безоблачно, почти безнебно
неяркий наступает день.
Не потому, что дождь прошёл
и злые отсырели спички,
а просто, следуя привычке,
всё в этом мире хорошо.

Всё впереди, и всё не к спеху,
поверь колодезному эху,
не нужно голос повышать,
не нужно скорость превышать –
того гляди, проскочишь мимо
той встречи, что невосполнима,
она вдали от лишних глаз
уже задумана для нас.

Поздно

Замечательный денёк,
в меру тени, в меру света,
нет вопроса без ответа,
только выйди за порог!
Но пока я копошилась
и глаза поднять решила –
поглядеться в зеркала,
чай пила, детей рожала,
о себе воображала,
в чём признаться не могла,
за окном похолодало,
я продрогла и устала,
я устала выбирать.
Счастье – та ещё забота,
всё надеяться на что-то,
мельтешить, бельё стирать...

На дворе темно и стыло.
Поздно,
        что я там забыла?
Но помедлю у дверей
на секунду: не судите,
лучше к ужину не ждите,
я оденусь потеплей...

Утро

Стынет чай, машина не заводится,
некогда наряды выбирать,
и в такую рань вставать приходится,
чтобы позже было умирать.

Нет ли, Боже, лишнего билетика
на ближайших три десятка лет?
У меня хорошая генетика –
жить да жить, прищурившись на свет.

Лёгкий нрав, генетика хорошая,
утро, полотенце на спине
за плечо небрежно переброшено –
белый стяг на крепостной стене...

СОДЕРЖАНИЕ

Всему, чего коснулся взгляд...	5
I.	
Июнь	6
Кто рождён толстокожим...	8
Песок	9
Песенка об осенней хандре	10
Хоть на дворе промозглый мрак...	12
Средь утренней пылицы...	14
Звонок	16
Просто	18
Западня	20
Живёт у сердца, в подреберье...	21
Ночь-подружка, пьянчужка, чудачка, сестра...	22
Птичка	23
Душа, такая-рассякая...	24
Ты давным-давно уехал...	26
Несёт теченьем челноки...	28

Памяти Бёрнса	29
Подражание старинной эпитафии	30
НоктюРН	31
Вечер	32
Римские каникулы	34
Мы в первый день отыщем гвоздь...	36
Размытый полусвет зари...	38
Сегодня или завтра...	39
II.	
До тебя я не ведала страха вообще...	40
Про меня	42
Давно забыты наши драмы...	44
Память	46
Гипс	47
Меня вселенная в запарке...	48
Поэт	49
Приступ	50
Мы с тобой губами и лбами...	51
Мой предутренний сон...	52
Пятница	53

Обман	54
Оригами	56
Кому ты светишь, огонёк...	58
Сантименты	59
Я тебя не ждал под дверью...	60
Селфи	62
Не успевают неотложки...	64
Не для сердца слова, не от сердца таблетки...	65
На поводке коротком...	66
...и обходимся вроде без лишнего шума...	67
Будни	68
Намекни мне, напомни и жестом, и словом...	70
Любовная лирика	71
III.	
Открой, когда уйдёшь...	72
Не обижу ни жён, ни детей...	74
Не говори: «Всё тлен, пустое!»...	76
Где же этих счастливых детей покупают...	77
Она сегодня не вставала...	78
Графика	79
Глагольные рифмы	80

Чушь собачья	82
В молитвах жадного рассудка...	83
Южный вечер стремительно-краток...	84
Засиделась до семи...	86
Если страсти и желанья...	87
Горе от ума	88
Разрешу себе немного лени...	90
Метро	91
Высокие окна	92
Стрижи	94
Я не сюжет, а лишь канва...	95
Альтист	96
Знаки	98
Спутнику	100
Отправляется в урну...	102
С нуля	104
Простите меня за нелепую спешку...	106
Сквозняк стучит оконной створкой...	107
Стоит только попросить покоя...	108
Очёчки круглые надень...	109
Поздно	110
Утро	112

«Достояние»:

***все виды издательских работ, в том числе
электронные книги***